

УДК 811.161.1

*Нагорный И.А.***КОММУНИКАТИВНО-
ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ
РУССКИХ ЧАСТИЦ В ТЕКСТЕ ¹**

Нагорный Игорь Анатольевич, профессор кафедры филологии,
доктор филологических наук
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Победы, 85, Белгород, 308015, Россия
E-mail: ignago@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена рассмотрению вопроса о развитии русскими частицами функциональной перспективы текста. Анализируются коммуникативно-прагматические функции частиц различных семантических групп в тексте, устанавливаются особенности репрезентации частицами точки зрения говорящего на событие. В аспекте развития функциональной перспективы текста описываются различные логико-семиотические и диктумно-модусные характеристики частиц.

Ключевые слова: professional role; associative response; stimulus; professional association; professional group; professional sphere; subjects (respondents).

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-00196

UDC 811.161.1

*Nagorny I.A.***THE COMMUNICATIVE
AND PRAGMATIC FUNCTIONS OF
RUSSIAN PARTICLES
IN THE TEXT****Nagorny Igor Anatolievich**, *Doctor Of Philology, Professor**Department of Philology*

Belgorod State National Research University

85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia

*E-mail: ignago@yandex.ru***ABSTRACT**

The article considers the question of Russian particles developing the functional perspective of the text. The author analyzes the communicative and pragmatic functions of particles of different semantic groups in the text, particularly the representation of the particles the point of view of the speaker to the event. In the aspect of functional perspective of the text the author describes different logical-semiotic and modus-dictum particle characteristics.

Key words: particles; text; function; mental operation; dictum; modus; qualifications; speaker; addressee; point of view.

Введение

Функциональная насыщенность текста – аспект анализа, с одной стороны, уже достаточно детально исследованный в отечественной русистике, а с другой стороны, требующий дальнейшей разработки, в том числе применительно к отдельным группам слов, в частности, частицам как репрезентаторам точки зрения говорящего. Обращение к вопросу о смысловых характеристиках частиц представляется актуальным, поскольку данные структурно факультативные элементы генерируют в тексте комплекс прагматически важных смыслов, отражающих точку зрения говорящего в аспекте квалификации действительности.

Цель работы

В статье предпринята попытка проследить особенности функционирования русских частиц в тексте в аспекте расширения и углубления его функциональной перспективы. Основанием для актуализации данной проблемы послужила способность частиц фиксировать в тексте точку зрения говорящего, репрезентировать авторский квалификативный взгляд на событие, локализовать модально-оценочную составляющую в пределах предложения и текста. Указанная способность позволяет рассматривать русскую частицу как продуктивное средство соотношения высказываемого с действительностью в аспектах персонализации и модализации текста.

Материалы и методы исследования

При описании функционально-текстовых характеристик русских частиц целесообразно использовать комплекс методов, позволяющих решить поставленные задачи: описательный метод, функциональный метод, систематизационный метод, а также индуктивно-дедуктивный метод.

Результаты исследования и их обсуждение

Частицы – функциональный разряд служебных элементов языковой системы. Являясь принадлежностью обслуживающего класса слов, частицы выступают как грамматически вспомогательные компоненты в структуре предложения и текста. Они не обладают статусными характеристиками структурообразующих средств, не проявляют себя как модельные элементы предложения.

Лишь некоторые формообразующие частицы (*бы, пусть, пускай, давай(те), да*) могут косвенно проявлять себя на уровне

формирования объективно-модального значения предложения, выступая в качестве показателей ирреальной модальности (*Пришел бы вовремя, успел бы все сделать в срок; Пусть приходит завтра*). В этом плане можно констатировать, что другие разряды частиц (смысловые, эмоционально-экспрессивные, собственно-модальные) выполняют исключительно обслуживающие функции на уровне модельной структуры предложения.

Нужно, конечно, признать, что узкий круг смысловых частиц актуализирует некоторые семантико-классификационные характеристики предложения: эмоциональные частицы *эк, как, ну и, что за, вот так, где уж, куда уж* активно участвуют в формировании эмоционально насыщенного предложения, вводя последнее в типологическую группу восклицательных (*Вот так событие! Что за прекрасный выдался сегодня денек! Да где уж нам!*); указательные частицы *это, вот, во, вон* формируют функционально-семантический разряд односоставных номинативно-указательных предложений (*Вот садик с плетнем. Вон речка*); собственно-модальные частицы *вряд ли, едва ли, авось, небось, чай, являясь репрезентаторами «сомнительно-предположительной» точки зрения говорящего на событие, насыщают коммуникативную единицу субъективно-модальными характеристиками и, соответственно, принимают участие в формировании предикативного плана предложения на уровне субъективной модальности (Как будто бы только что здесь был. Видать, вышел куда-то (В.Шукшин); -Ты-то поди привык вприкуску (М.Горький); Я уж чуть было не начала волноваться, – раздраженно бросила Вера (журн.текст). Тем не менее, структурообразующими элементами предложения частицы не являются, а в тексте проявляют себя в первую очередь как смыслокорректирующие элементы. Детализируем далее данную мысль.*

Интерес к текстовым функциям частиц обусловлен ярким несоответствием между фактически нулевым структурно-модельным статусом частицы как служебного слова, с одной стороны, и усиленным коммуникативно-прагматическим статусом частицы в тексте. Структурная факультативность, грамматикализованность значения не является препятствием для функционирования русской частицы как прагматически емкого тексто-

вого знака, выполняющего на уровне дискурсивного пространства целый комплекс разноаспектных функций.

Проведенный анализ показывает, что частицы прагматически сориентированы, выполняют важные коммуникативные функции в дискурсивной сфере, актуализируют в тексте прагматически ценные для говорящего смыслы. Функциональный подход при исследовании частиц представляется, таким образом, продуктивным и предполагает как одно из условий предпринимаемого анализа ориентацию на роль частицы в составе единицы более высокого коммуникативного ранга – текста.

Как известно, в лингвистике неоднократно предпринимались комплексные попытки исследования семантических характеристик, морфологических свойств и диахронных параметров частиц [3, 5]. Интерес ученых к частицам, конечно же, не случаен. Русские частицы – это один из наиболее востребованных в коммуникативном процессе класс слов. Являясь грамматически служебными, частицы продуктивны в обыденном языке общения, разговорная речевая сфера насыщена ими, велика прагматическая составляющая в значении частиц, позволяющая последним выполнять в тексте доминирующую смысловую функцию – донесение до адресата прагматически ценных для коммуникантов информативных смыслов, отражающих позицию говорящего на описываемое событие.

Информативно-оценочная функция характерна для частиц фактически всех основных семантических разрядов. Конкретное же проявление функционально-текстовых характеристик частиц различных семантических групп дифференцируется.

При реализации данной функции в тексте, например, смысловые ограничительные частицы (*лишь, только, только лишь, всего-навсего, исключительно, просто*) активно применяются говорящим для локализации собственного взгляда на каком-либо событийном компоненте, актуализируя субъективно-авторское мнение в выделительно-ограничительном аспекте и сужая таким образом семантическое пространство взаимодействующего с частицей компонента: *Это только цветочки, ягодки будут впереди (погов.); А без такой заинтересованности проекты оказываются реализованными лишь частично* (Н.Дубова); *Хорошо*

можно делать всего-навсего одно дело (газетн. текст); *Наши гусли почти уже готовы, осталось только украсить их* (Б.Ефремов).

Смысловые частицы *просто, даже, прямо, еще, определенно, положительно* и подобные им, напротив, на уровне текста работают как элементы иллокутивного типа, фокусирующие и усиливающие квалификативный взгляд говорящего на событие: *Можно даже предаться маленьким радостям жизни* (журн. текст); *-Выбирайте, что будем делать прямо сейчас, – сказала колдунья* (М. Хуторной); *Хорошо, что появился ещё один день и ещё один повод* (С.Ткачева); *Просто я узнал об устройстве мира что-то такое, что мне не понравилось* (Е.Гришковец).

Функциональная текстовая нагрузка смысловых указательных частиц *вот, вон, во, вот как, это* достаточно прозрачна – локализация авторского взгляда в событийном физическом или (реже) ментальном пространстве с одновременной актуализацией ведущей коммуникативной роли говорящего, «приглашающего следовать» за собой адресата-коммуниканта в том или ином видении ситуации автором высказывания: *Вот стороны дороги бегут две потные косматые лошади* (Л.Толстой); *Вон сколько забот с растянувшимся по дороге войском, пленными, что огромной колонной тащились за победителями* (В.Быков); *Царь-бык, или пастиух-царь, это как угодно* (А. Ясова).

Информативно-оценочная функция частиц *как раз, именно, чуть не, равно, приблизительно* сфокусирована на определительно-уточняющих, конкретизирующих характеристиках сообщаемого: *Нэпманы, сидящие в трамвае, решительно взбунтовались как раз насчет костюма* (М.Зощенко); *Мы прошли приблизительно пять километров* (журн. текст); *Меня же больше всего в тот момент заинтересовала именно вода* (О.Баринов).

Ярко проявляет себя при выполнении рассматриваемой функции группа эмоционально-экспрессивных частиц: *куда, куда уж, даже, же, ведь, эх, ишь, как, ну и, что за, все, все-таки, вот так, где уж*. Данные частицы вводят в текстовое пространство авторские эмоции и чувства – удивление, восхищение, радость, грусть, уныние, восторг, воодушевление, разочарование и им подобные. При экспликации автором в тексте оценочно-выразительных смыслов может иметь место

экспрессивизация эмоций, что, несомненно, оказывает влияние на усиление выразительности текста: *Как! Разве к тебе это не относится?* (К.Симонов); *Что за прелестный день сегодня!* (В.Шукшин); *Вот так случай!* А я и не предполагал, что может так быть (журн.текст); *Отвечает «касатик» искусственно твердым голосом: -Где уж тебе!* (М.Салтыков-Щедрин).

Информативно-оценочная функция модальных частиц сфокусирована на модализационных текстовых параметрах. Модальные частицы – собственно-предположительные (как бы, чай, авось, небось, никак, поди, что ли), сомнительные (едва ли, вряд ли), сравнительные (будто, точно, словно, вроде, ровно), избыточные (едва ли не, вряд ли не, чуть ли не), вопросительные (разве, неужели, неужто), эвиденциальные (мол, дескать, якобы, де) – выражают авторское отношение к достоверности сообщаемого, реализуя в тексте целый комплекс прагматически обусловленных авторских квалификативных смыслов. Это смыслы:

- предположения (*Ужель* бывшее как отрада Мне ныне помнится в тиши? *Ужели* утолять я рада... Все жажды тщетные души! (К.Павлова); *Стояла она будто бы* в полдень в жаркой пустой избе, припертая кем-то снаружи... (И.Бунин); *-Вот сегодня-то я и не приду. -Уж будто!* (В.Шукшин); *Были ли в их жизни какие-нибудь запомнившиеся события, яркие переживания? Едва ли* (Ю.Манн); *-Ну, теперь еще две зорьки осталось... Авось, бог даст, полегчает маленько* (И.Бунин));

- сомнения (*-Я вернусь еще. -Вряд ли* (А.Толстой); *Но отослать его к отцам Едва ль* приятно будет вам (А.Пушкин); *-Что, собрались уж? -Вроде как* (К.Чуковский); *Раздосадованный Петр Данилыч порывисто нахлобучил шапку и оцупью выбрался на улицу... -Навряд ли, – уныло долетел до него гнилой голос человечка. -Теперича все спят* (В.Шишков));

- возможности (*Я все жду от человеколюбивого сердца императора, авось-либо* позволит он мне со временем искать стороны мне по сердцу (А.Пушкин); *-Уж не твой ли* полковник подоспел? (А.Пушкин));

- вероятности (*Дай бог мне зашибить* деньгу, тогда *авось* тебя выручу (А.Пушкин); *Слышно, земский суд к нам едет от-*

дать нас под начал Кирилу Петровичу Троекурову – потому что мы – дескать ихние, а мы искони Ваши, – и отроду того не слыхивали (А.Пушкин));

- кажимости (*-Да, так мне кажется. Чай,* из окна славно смотреть (А.Иванов); *Ему казалось, что лучше здесь остановиться, авось* дождь затихнет (журн.текст));

- избыточности (*Онегин сохнет, и едва ль* уж не чахоткою страдает (А.Пушкин); *Литературный институт – едва ли не* единственный не эвакуировавшийся из столицы (газетн.текст); *К Сухово-Кобылину, который едва ли не* первым в России задумался о тайной силе бюрократии, проследил, как палачи становятся жертвами, как бы вдруг начали прислушиваться (газетн.текст));

- эвиденциальности (*А мы все продолжали говорить об этом якобы* важном для нас случае (журн.текст); *Я слышал, что теперь, дескать,* можно получить в течение недели все интересующие вас сведения о наличии товаров и услуг в любом регионе (газетн.текст); *Это якобы* и натолкнуло его на мысль о будущем полете (А.Казанцев)).

Кроме информативно-оценочной функции, частицы, будучи продуктивным инструментом репрезентации авторской точки зрения на сообщаемое и донесения мнения говорящего до адресата, выполняют в тексте ряд других важных коммуникативно-прагматических функций.

Интерес к семиотическим функциям частиц в тексте обусловлен тем, что знаковые теории, как правило, сосредоточены либо на описании знаковой системы языка в целом, либо на описании знаков понятийных, на языковом уровне представленных знаменательными словами [4, 6]. Частицы как знаки фактически не описываются лингвистами-семиотиками: за частицами признается лишь «оформительская» роль служебного языкового элемента. Однако это не совсем так. Частицы, например, модальные, вводятся говорящим в смысловое и структурное пространство текста как знаки, определенные авторской целью: некая мыслительная операция субъекта фиксируется таким образом в тексте. Частица в этом случае – одно из средств номинации ментальных действий говорящего, поскольку обозначенными могут считаться не только предметы или явления, но также и те связи и отношения, в которых предметы или явления находятся друг по отношению к

другу, а также по отношению к говорящему и адресату. Будучи коммуникативно ориентированными, русские частицы могут быть условно охарактеризованы как индексальные знаки, при помощи которых говорящий осуществляет «привязку» описываемого текстового события к обозначаемой ситуации в координатах «я – здесь – сейчас». Причем частица, как и любой знак, обладает соответствующими семиотическими свойствами [2].

Исследование логических функций частиц в тексте подводит к пониманию того, что при помощи субъективного квалификатора нейтральное логическое суждение переводится говорящим в разряд модализованных или оценочных. Например, модализованное суждение, выраженное в предложении с модальной частицей, соотносится говорящим с параметрами категорий возможности и вероятности. Это попытка автора высказывания установить, насколько более обоснованной является вероятность проявления одного события по отношению к вероятности осуществления другого события. При этом нужно иметь в виду, что одна и та же модальная частица в различных текстах может фиксировать разную степень вероятности сообщаемого. Цель говорящего при введении в текст модального квалификатора – частицы – заключается не в обозначении конкретной степени вероятности, а в обозначении самого факта вероятности как отражения авторского взгляда на сообщаемое (предположение, сомнение и т.п.) относительно результата описываемого события.

В аспекте сказанного русские модальные частицы способны фиксировать в тексте особую разновидность суждений – имплицитные [1]. Форма выражения данных суждения – текстовые модально-ответные высказывания: *-Еще узнаете. -Вряд ли* (В.Головачев); *-А не ведет ли нейтринная акупунктура к поражению психики? -Вряд ли, – ответил директор* (А. и Б. Стругацкие); *-А здесь может быть разумная жизнь? – спросила Салли. -Вряд ли* (К.Булычев); *Следователь подумал. -Едва ли...* (А.Платонов); *Еще почувют, что я здесь, что с ума схожу по Бригите, и доложат ей... Да нет, **вряд ли*** (А.Дмитрук). Частица здесь – исключительно показатель логического предиката. Она фиксирует грань, за которой предшествующее немодализованное суждение переводится в иную временную плоскость и осмысливается говорящим с позиции

«я – здесь – сейчас». Способность модальных частиц фиксировать имплицитное суждение является их важной функцией в тексте. В этом аспекте данные модальные квалификаторы должны быть определены в том числе как текстовые структурообразующие средства.

Семантико-прагматические функции частиц обусловлены яркой субъективностью высказываний с частицами, их текстовой выразительностью, яркой репрезентативностью авторской точки зрения, намеренной актуализацией позиции говорящего. Исследование текстов с частицами убеждает, что последние, не являясь пропозитивно значимыми элементами семантической структуры предложения, активно участвуют в уточнении данной структуры, ее обслуживании, в результате чего достаточно сильно трансформируют смысловое поле текста субъективно-авторскими характеристиками, выступая в роли семантически обязательных и прагматически ценных компонентов текстовой структуры. Смыслы, вводимые при помощи частиц в текст, существенно конкретизируют собственно модельные смыслы предложений, соотносят общий предложенческий и, соответственно, текстовый смысл с факторами говорящего и адресата, «проявляют» оценочно-квалификативную позицию субъекта. Данные смыслы, несомненно, важны для общего смыслового пространства текста, так как выражают его авторство: *И ваша такова последняя черта, Что, **чай**, ко всякому дверь будет заперта* (А.Грибоедов); *Дни-то и часы все те же **как будто** остались; а время-то, за наши грехи, все короче делается* (А.Островский); *Красно солнце отвечало: -Я царевны не видало. Знать, ее в живых уж нет. **Разве** месяц, мой сосед, Где-нибудь ее да встретил, Или след ее заметил* (А.Пушкин); *Одна софа, **небось**, рублей четыреста стоит* (А.Чехов); *И от Афиногенова он **якобы** скрыл свой месячный заработок* (К.Чуковский); *«Топор» толкнул под горло **вроде** не очень сильно, но дыхание вернулось к Шану только возле зарешеченного оконца, на деревянной лавке в душном вагоне* (В.Назаров).

С проблемой исследования текстовых функций частиц соотносится проблема диктума и модуса. Последние в теории семантического синтаксиса характеризуются как противопоставленные друг другу смысловые образования [7]. Тем не менее они не чужды друг другу в едином смысловом пространстве текста. Вза-

имеобусловленность диктумного и модусного смысловых слоев закономерна, что наглядно подтверждается при семантическом анализе текстов с частицами. Указанные тексты интересны в том плане, что в них зафиксирован в действии процесс снятия четкой противопоставленности объективного и субъективного слоев предложеческого смысла. В предложениях с частицами, функционирующих в текстовом пространстве, диктум и модус активно притягиваются друг к другу, представляя синтез двух единств. Диктум как совокупность базовых пропозитивных и пресуппозитивных [8, 9, 10, 11, 12] предложеческих смыслов, базирующихся на значениях слов (в первую очередь – предиката) при помощи частицы сближается с модусом, используется для нужд модуса, в результате чего субъективные смыслы внедряются в объективную часть общепредложенческого смысла, усложняя его смысловую структуру и проявляя таким образом точку зрения говорящего. При этом частицы не только актуализируют каскад модусных смыслов (квалификативных, оценочных, эмотивных, экспрессивных), но и актуализируют смысловые поля элементов диктума посредством трансформации семантических полей пропозитивно значимых компонентов: *Авось, о Шиболет народный Тебе б я оду посвятил Но стихоплет великородный Меня уже предупредил* (А.Пушкин); *Не может, чай, дожидаться, Когда Любимовы родные все свалятся, Чтоб поскорей по них наследство получить* (А.Грибоедов); *Будто бы в некоем царстве живет артистка, и вот шайка врагов ее травит* (М.Булгаков); *-Эта земная поговорка, Хомо. Вряд ли вы вернетесь* (В.Головачев). Заметим, однако, что частицы – в первую очередь модусные элементы предложения и, соответственно, текста. Это формальные средства модуса, элементы, проявляющие в текстовом пространстве субъективно-авторские смыслы. Именно поэтому частицы являются прерогативой плана выражения модусных категорий – модальности, квалификации, оценочности. При этом обязательно нужно отметить, что смыслы, актуализируемые частицами в тексте, не являются статичными образованиями. В процессе коммуникации данные смыслы приобретают свойство изменчивости, трансформируемости. Указанные смыслы характеризуются как динамичная, саморазвивающаяся система, отвечающая требованиям дискурсивной органи-

зации текста и предназначенная для решения автором его коммуникативной задачи.

В свете сказанного текстовый функциональный анализ заставляет по-иному взглянуть на проблему исключительно частеречного подхода к изучению русских частиц. Узость которого в настоящее время очевидна. Частицы проявляют себя исключительно на уровне предложения/текста, что позволяет вести речь о наличии у них особой – синтаксической и текстовой прагматически обусловленной семантики.

Заключение

В итоге отметим, что намеченные в статье вопросы являются, на наш взгляд, перспективными для исследования, поскольку связывают формально-грамматический аспект изучения служебных слов с функционально-семантическим и прагматическим аспектами. Разработка данных аспектов позволит глубже проникнуть в специфику класса русских частиц, точнее осмыслить диктумно-модусную организацию предложений с частицами, описать в действии процесс снятия четкой противопоставленности диктума и модуса. Актуализация заявленных проблем видится нам полезной, поскольку их решение объясняет суть важных семантико- и коммуникативно-прагматических, логических, семиотических аспектов функционирования частиц на текстовом уровне.

Специфика функционирования частиц в смысловом пространстве текста обусловлена тем, что слово в языке многофункционально. Слово, в том числе и служебное, выполняет в тексте целый комплекс функций, соотносясь как со значением слова, так и с той ролью, которая отводится слову в формировании дискурсивного пространства. Функциональный подход к анализу русских частиц основывается на том, что последние являются носителями комплекса текстовых функций, отражающих различные аспекты отношения говорящего к действительности и к описываемому событию. Функциональный анализ в этом случае помогает выявить то, с какой целью и каким образом говорящий квалифицирует событие при помощи грамматически служебного, но прагматически значимого элемента – частицы. Это необходимо иметь в виду, так как выносимые на обсуждение проблемы составляют область антропоцентрической сущности языка, где каждый элемент является коммуникативно и прагматически значимым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Галкина-Федорук Е.М. *Безличные предложения в современном русском языке*. М.: МГУ, 1958. 332 с.
2. Нагорный И.А. К вопросу о знаковой функции модально-персуазивных частиц в высказывании // *Человек – коммуникация – текст*. Вып.2. Ч.2. Барнаул: Издательство АГУ, 1998. С.46-48.
3. Николаева Т.М. *Функции частиц в высказывании: На материале славянских языков*. М.: Наука, 1985. 169 с.
4. Солнцев В.М. *Язык как системно-структурное образование*. М.: Наука, 1971. 294 с.
5. Стародумова Е.А. *Русские частицы*. Владивосток: Издательство ДГУ, 1997. 68 с.
6. Степанов Ю.С. *Язык и метод. К современной философии языка*. М.: Языки русской культуры, 1998. 784 с.
7. Шмелева Т.В. *Семантический синтаксис*. Красноярск: Издательство КГУ, 1988. 54 с.
8. Cooper D. Presupposition // *Janua linguarum. Series minor*. 203. The Hague – Paris, Mouton, 1974. 130 p.
9. Fillmore Ch. The Case for Case // *Universals in Linguistic Theory*. №4. / Ed. by E.Bach and R.Harms. N.Y. – London – Toronto, 1968. Pp. 1-88.
10. Gardner R. «Presupposition» in Philosophy and Linguistics // *Studies in Linguistic Semantics*. N.Y., 1971. Pp. 22-42.
11. Katz J.J. A Solution to the Projection Problem for Presupposition // *Syntax and Semantics*. V.11. N.Y., 1979. Pp. 91-154.
12. *Syntax and Semantics. Vol.11. Presupposition* / Ed. by Choon-Kyu Oh, David A. Dinneen. N.Y. – San Fr. – London: Academic Press, 1979. 411 p.

REFERENCES:

1. Galkina-Fedoryk E.M. *Impersonal Sentences in the Russian Language*. M.: MGU, 1958. P. 332.
2. Nagorny I.A. On the Question of the Sign Function Modal Persuasive Particles in the Utterance // *Man – Communication – Text. Volume 2. Issue 2*. Barnaul: Izdatelstvo AGU, 1998. Pp. 46-48.
3. Nikolaeva T.M. *The Functions of Particles in a Statement: Based on the Slavic languages*. M.: Nauka, 1985. 169 p.
4. Solnsev V.M. *Language as a System-structural Formation*. M.: Nauka, 1971. P. 294.
5. Starodumova E.A. *Russian Particles*. Vladivostok: Izdatelstvo DGU, 1997. P.68.
6. Stepanov J.S. *The Language and Method. To the Modern Philosophy of Language*. M.: Jazyki russkoj kulury, 1998. P.784.
7. Shmeleva T.V. *Semantic Syntax*. Krasnoyarsk: Izdatelstvo KGU, 1988. P.54.
8. Cooper D. Presupposition // *Janua linguarum. Series minor*. 203. The Hague – Paris, Mouton, 1974. 130 p.
9. Fillmore Ch. The Case for Case // *Universals in Linguistic Theory*. №4. / Ed. by E.Bach and R.Harms. N.Y. – London – Toronto, 1968. Pp. 1-88.
10. Gardner R. «Presupposition» in Philosophy and Linguistics // *Studies in Linguistic Semantics*. N.Y., 1971. Pp. 22-42.
11. Katz J.J. A Solution to the Projection Problem for Presupposition // *Syntax and Semantics*. V.11. N.Y., 1979. Pp. 91-154.
12. *Syntax and Semantics. Vol.11. Presupposition* / Ed. by Choon-Kyu Oh, David A. Dinneen. N.Y. – San Fr. – London: Academic Press, 1979. P.411.